

Появление Се Чунъяня приковало к себе все взгляды и послужило сигналом к началу ужина. Вслед за ним за стол потянулись и остальные гости.

Оформление обеденного зала уходило от привычной кричащей роскоши в сторону изысканной, сдержанной эстетики. Каждая деталь интерьера казалась произведением искусства — совсем как сидевший во главе стола Се Чунъянь: строго, лаконично, но с неоспоримым благородством.

На его правом запястье поблескивали часы с черными бриллиантами. Небрежно опустив руку на бежевую скатерть, Се Чунъянь ленивым жестом поправил очки в тонкой серебряной оправе. Его лицо сохраняло спокойное, слегка отрешенное выражение, пока он вежливо кивал в ответ на бесконечные приветствия.

Чэн Фань сидел вместе с семьей примерно посередине длинного стола, на приличном расстоянии от Се Чунъяня. Места ближе к главе стола занимали те, чье положение в обществе и семейный статус намного превосходили влияние семьи Чэн — только они и могли непринужденно поддерживать с ним беседу.

Чэн Фань заметил: с той самой секунды, как Се Чунъянь вошел, Чэн Ань не сводил с него глаз, глядя на мужчину буквально как замороженный.

Мать Чэн заботливо смахнула крошечную ниточку с лацкана пиджака Чэн Аня и негромко спросила:

— Ну как, доволен?

Чэн Ань вздрогнул, поспешно отвел глаза и смущенно поджал губы.

Однополые браки в стране узаконили уже пять лет назад, так что подобные союзы давно никого не удивляли, а Чэн Ань как раз вошел в брачный возраст.

Мать Чэн, разумеется, прекрасно понимала, что творится на душе у сына.

— Что ж, тогда тебе стоит постараться, — шепнула она.

Чэн Ань согласно кивнул — они поняли друг друга без лишних слов.

Бокалы наполнялись, беседа текла непринужденно. Чаще всего за столом всплывал проект «Urban». Отец Чэн улучил момент, чтобы вклиниться в общий разговор, и обменялся парой слов с Се Чунъянем.

Се Чунъянь безукоризненно соблюдал правила приличия — придраться было не к чему, — но за его безупречными манерами угадывалась холодная отстраненность: становилось ясно, что

подобные светские рауты ему не по душе.

Чэн Фань мысленно согласился с ним: окажись он на месте Се Чунъяня, его бы тоже тошнило от необходимости любезничать с толпой льстецов. Особое отвращение у него вызывали его собственные родственники.

Ужин, состоявший из изысканных французских блюд, выбранных принимающей стороной, был превосходен, но Чэн Фаню кусок в горло не лез. Все его мысли занимало одно: как выкроить момент и поговорить с Се Чунъянем наедине.

В этот момент сидевший напротив директор Линь перевел взгляд на Чэн Фаня:

— Директор Чэн, это ваш младший сын?

Отец Чэн переглянулся с женой и приподнял бокал:

— Верно. У него слабое здоровье, поэтому он почти не бывает на людях.

— Какая редкая красота, — искренне восхитился директор Линь.

Улыбка тут же сошла с лица Чэн Аня. Он со злостью вонзил нож глубоко в стейк.

Ну конечно. Стоило Чэн Фаню появиться в комнате, как все внимание тут же переключалось на него.

— Ах, я совсем его разбаловала, — поспешила вмешаться госпожа Чэн с нарочито любящей, снисходительной улыбкой. — Здоровье у него никуда не годится, даже легкий сквозняк опасен. Но сегодня он буквально в слезах умолял взять его с собой, а когда я отказала, раскапризничался как ребенок.

Директор Линь удивленно усмехнулся:

— Ну, они же еще совсем дети. Молодости свойственны капризы.

Чэн Фань прекрасно уловил скрытый подтекст. Выставить его перед столькими влиятельными людьми хилым капризным эгоистом — мать пошла на это с одной лишь целью: чтобы он, упаси бог, не затмил драгоценного Чэн Аня.

Он слегка повернул голову к матери и негромко, с оттенком искренней грусти произнес:

— Я последние два года безвылазно сидел дома из-за болезни и никуда не выходил. Мне было

так одиноко... Хотелось просто побыть с вами подольше.

Натянутая фальшивая улыбка на лице госпожи Чэн на секунду окаменела. С трудом вернув себе прежний ласковый тон, она процедила:

— Прости, милый. Мама в последнее время слишком занята делами и совсем обделила тебя вниманием.

— Вот именно, — поддержал ее директор Линь. — В конце концов, нет ничего важнее семьи.

Отец Чэн бросил на жену предостерегающий взгляд, негромко кашлянул и поспешил увести разговор в сторону, обратившись к директору Линю.

Пока его мать мысленно исходила злостью, Чэн Фань чувствовал себя прекрасно. Он слегка приподнял уголки губ, пряча торжествующую улыбку за опущенными ресницами. Но когда он случайно вскинул свои светло-карие глаза, то неожиданно столкнулся взглядом с Се Чунъянем.

Их зрительный контакт длился от силы пару секунд — Се Чунъянь спокойно отвел глаза и вернулся к прерванному разговору с приятелем.

Чэн Фань еще какое-то время смотрел в ту же сторону, прежде чем снова опустить голову к тарелке.

Ближе к концу ужина Се Чунъянь вежливо извинился и ненадолго покинул зал. Оставшиеся гости тут же разбились на небольшие группки, возобновив обсуждение деловых вопросов.

Чэн Фань понял: это его шанс.

— Мама, мне нехорошо, я отойду в уборную, — Чэн Фань прижал ладонь к животу с самым несчастным видом.

Госпожа Чэн недовольно нахмурилась:

— Иди быстрее. Я же говорила, что тебе рано выходить в свет.

Чэн Фань торопливо кивнул и почти бегом покинул обеденный зал.

Госпожа Чэн задумчиво проводила его взглядом, но быстро переключилась обратно на светскую беседу.

Поместье оказалось огромным, и быстро отыскать Се Чунъяня было задачей не из легких. Чэн Фаню оставалось полагаться лишь на удачу.

Он помнил, что, уходя из зала, Чунъянь повернул налево, а значит, искать его следовало где-то в том крыле.

Внезапно из коридора неподалеку донеслись негромкие мужские голоса. Юноша замедлил шаг и прислушался.

Впереди виднелась просторная крытая терраса с прозрачным стеклянным куполом. В мягком свете встроенных в пол ламп угадывались силуэты трех мужчин. Се Чунъянь и двое его спутников сидели в креслах и неторопливо потягивали алкоголь.

Чэн Фань нерешительно замер, гадая, как лучше подойти и с чего начать этот непростой разговор.

За два года вынужденного затворничества он почти разучился общаться с людьми. С поверхностными приятелями Чэн Аня он сегодня справился без труда, но Се Чунъянь — фигура совсем иного масштаба. К нему требовался особый, тщательно выверенный подход.

Тем более что именно Чэн Фань собирался выступить в роли просителя, предлагающего сделку.

От этой мысли ему стало не по себе, а уверенность в собственных силах слегка пошатнулась.

Се Чунъянь выглядел расслабленным. Держа в левой руке тлеющую сигарету, он лениво ронял короткие реплики в ответ на расспросы собеседников. Время от времени он привычным движением поправлял очки, приподнимая оправу тонким изящным пальцем. Из-под манжеты его рубашки виднелось худощавое, но сильное запястье.

Двое других мужчин за столом — генеральный директор компании «Сянсинь» Сян Чжи и наследник корпорации «Фанкэ» Фан Юйчэнь. О них за ужином шепотом рассказывал отец.

— Слышали, что натворил Юйтань? — со смешком спросил Сян Чжи, покачивая бокал. — Решил угодить своей новой страсти и в одностороннем порядке разорвал контракт с ключевым партнером. Отца чуть удар не хватил! Еле удержался, чтобы не лишить дурака кресла вице-президента.

— И ради чего? — хмыкнул Фан Юйчэнь. — У него же старший брат спит и видит, как бы его подсадить. Полное безумие.

— Рассудок помутился от юбки, — бесстрастно обронил Се Чунъянь, до этого хранивший молчание.

— Тебе-то уж точно не грозит потерять голову из-за кого бы то ни было, — лениво протянул Сян Чжи. — Я слышал, на днях ты мимоходом растоптал бизнес семьи Чжао. Теперь они на каждом углу трубят, какой ты бессердечный монстр.

Се Чунъянь слегка прищурился, и за стеклами очков промелькнула холодная усмешка.

— Что ж, они не так уж неправы.

Собеседники весело переглянулись.

— Кстати, о браках, — заговорщически подмигнул Фан Юйчэнь. — Ты слышал, что семейство Чэн из кожи вон лезет, лишь бы породниться с вами?

Услышав фамилию своей семьи, Чэн Фань замер, а его сердце забилось в ускоренном ритме. Он невольно отступил на полшага назад. Подслушивать чужие разговоры было верхом невоспитанности, и он уже собирался уйти.

— Какой еще Чэн? — слышался холодный голос Се Чунъяня.

— Ну те, что владеют сетью кинотеатров, — пояснил Сян Чжи. — У них там штук триста точек по всей стране. Средней паршивости конторка.

— Ах, эти, — безразлично отозвался Се Чунъянь.

— Ага. В последнее время они вовсю крутят рекламу нашего плана Urban на своих экранах, пытаются подлизаться. А перед твоим отцом распинаются, какой у них умный и красивый сын, надеясь сосватать его за тебя.

— То-то старик в последнее время постоянно делает мне двусмысленные намеки, — хмыкнул Се Чунъянь.

Сян Чжи хмыкнул:

— Губа у них не дура — замахнулись на самого завидного жениха. По-моему, твоему отцу пора на покой, раз он тратит время на разговоры с этими выскочками.

Чэн Фань прекрасно понимал истинное положение своей семьи. Слова Сян Чжи ранили самолюбие, но спорить было глупо — они констатировали очевидный факт.

Повернувшись к окну по левую руку от себя, Чэн Фань посмотрел на расстилавшееся внизу поместье. Вдали, на самом краю владений, виднелась темная полоса густого, дикого леса.

За годы затворничества он от скуки прочитал немало финансовых журналов и хорошо запомнил экономические прогнозы. Спустя шесть лет этот заброшенный лесной массив превратится в самый престижный и прибыльный деловой квартал не только в Биньтане, но и во всей стране.

Владея бесценной информацией о будущих трендах рынка и тайной, касающейся матери Се Чунъяня, Чэн Фань мог предложить ему по-настоящему выгодный союз. Это была сделка, от которой выиграют оба, так что чувствовать себя бедным родственником у него не было причин.

Сбросив остатки сомнений, он подошел ближе и негромко постучал в стеклянную дверь террасы.

Сян Чжи и Фан Юйчэнь одновременно оглянулись на стук.

Белоснежный костюм из весенней коллекции Gucci отчетливо выделялся в полумраке. Годы занятий танцами подарили Чэн Фаню безупречную осанку и легкую грацию. В этом наряде, призванном подчеркнуть юность и независимость, он казался хрупким цветком вишни, распустившимся в ночи — редким, притягательным зрелищем, от которого трудно было отвести взгляд.

Сян Чжи на секунду лишился дара речи. Вальяжно закинув ногу на ногу, он смерил гостя заинтересованным взглядом:

— И кто же этот очаровательный юноша?

Се Чунъянь медленно поднял голову. Окинув вошедшего бесстрастным взглядом, он ровно произнес:

— Второй молодой господин семьи Чэн.

Фан Юйчэнь так и просиял от любопытства. Без тени смущения он перевел взгляд с Се Чунъяня на Чэн Фаня и ухмыльнулся:

— Неужели тот самый красавчик, которого прочат тебе в мужа?

Сян Чжи тут же подхватил:

— Чунъянь, если он тебе не по вкусу, я бы с удовольствием попытал счастья.

Ни в прошлой жизни, ни в этой Чэн Фаню не приходилось выносить столь наглых насмешек. От гнева у него кровь прилила к лицу, а в ушах шумно заколотилось.

Он смерил Сян Чжи ледяным презрительным взглядом и сухо бросил:

— Слишком много о себе мните. Вы не в моем вкусе.

Фан Юйчэнь так и покатылся со смеху:

— Ого, с характером! Кажется, у нашего красавца уже есть фаворит.

Не желая тратить время на этих легкомысленных бездельников, Чэн Фань проигнорировал колкость и посмотрел прямо в глаза Се Чунъяню:

— Нам нужно поговорить. Наедине. Это возможно?

В спокойном взгляде Се Чунъяня на мгновение отразилось удивление, но он тут же взял себя в руки и едва заметно кивнул. Поняв намек, Сян Чжи и Фан Юйчэнь поднялись со своих мест. Уходя, Сян Чжи ободряюще похлопал друга по плечу:

— Что ж, не будем вам мешать шептаться. Мы найдем себе занятие повеселее.

На террасе воцарилась тишина, нарушаемая лишь шорохом ночного ветра, скользившего по стеклянному куполу. Этот тихий звук эхом отдавался в ушах Чэн Фаня, заставляя его сердце биться быстрее от необъяснимого волнения.

Се Чунъянь затушил сигарету в пепельнице и небрежным жестом зачесал назад прядь коротких черных волос. Его темные глаза, глубокие и холодные, как полированный обсидиан, остановились на застывшем напротив юноше.

До Чэн Фаня донесся тонкий аромат кедра и едва уловимый запах дорогого табака. Этот терпкий, чисто мужской парфюм словно заполнил собой все пространство, лишая юношу последних крох самообладания.

— Сколько тебе лет? — негромко спросил Се Чунъянь.

Чэн Фань сидел неестественно прямо, отчаянно пытаясь казаться взрослым и уверенным в себе. На его лице боролись гордость и замешательство, но для проницательного Се Чунъяня эта игра в независимость была шита белыми нитками.

На вид юноше нельзя было дать больше двадцати.

— Девятнадцать, — ответил Чэн Фань.

Почувствовав на себе пристальный взгляд собеседника, он поспешно добавил:

— Через месяц исполнится двадцать.

Се Чунъянь взглянул на часы — у него явно еще оставались дела на сегодня.

— Так о чем ты хотел поговорить?

Глядя на поблескивавшую в полумраке оправу его очков, Чэн Фань нервно облизнул пересохшие губы. Его голос звучал напряженно, но в нем отчетливо слышались нотки упрямой гордости:

— Мне известно, что против вас готовится заговор. Я предлагаю сделку.

Се Чунъянь даже не вздрогнул. Спокойным движением он снял очки и отложил их на журнальный столик. Без оправы его взгляд — острый, пронизательный, обрамленный длинными ресницами — стал холодным и оценивающим. Всем своим видом он демонстрировал глубокий скептицизм.

Без очков маска благородного и мягкого интеллектуала мгновенно осыпалась. Перед Чэн Фанем сидел жесткий, расчетливый и бесконечно далекий от сантиментов человек. Казалось, именно это лицо и было настоящим.

Поняв, что ему не верят, Чэн Фань нахмурился. Приняв максимально серьезный вид, он попытался звучать убедительнее:

— Я могу предоставить вам полный список компаний, участвующих в этом сговоре. Вам нужно будет просто отказаться от любого партнерства с ними.

— И кто же в этом списке? — сухо спросил Се Чунъянь.

У Чэн Фаня бешено колотилось сердце. С трудом справляясь с дрожью в голосе, он начал перечислять:

— Ваша семья... Ваш старший дядя, второй дядя, тетя. Из сторонних компаний — семейство Линь...

Он сделал короткую паузу и добавил:

— И моя семья тоже.

В глазах Се Чунъяня промелькнула едва заметная искра. Он медленно потянулся к столу, взял очки и водрузил их обратно на переносицу. По террасе разнесся его тихий, бархатистый смешок. К нему мгновенно вернулась прежняя маска ленивого безразличия.

— Если твоя семья задумала меня подставить, с чего бы тебе раскрывать их планы? — спросил он тоном взрослого, снисходительно беседующего с ребенком.

Чэн Фань ответил без прикрас, прямо глядя ему в глаза:

— Потому что я им не родной.

Подобные драмы в благородных семействах случались сплошь и рядом, так что Се Чунъянь даже бровью не повел.

— Допустим. Так в чем же суть твоей сделки?

Чэн Фань выдержал его тяжелый взгляд. Нужные слова комом встали в горле — произносить их вслух было невыносимо неловко, но отступить назад он не собирался. Сделав глубокий вдох, он заговорил:

— Я хочу заключить с вами брак от лица семьи Чэн. В обмен на это я помогу вам вычислить всех предателей и уберечь ваш бизнес. А вы поможете мне уничтожить семью Чэн. Они должны заплатить за все.

Се Чунъянь усмехнулся, явно приняв его слова за глупую шутку:

— И как я могу быть уверен в достоверности твоих слов? Даже если ты не лжешь, тебе всего девятнадцать. Ты ни дня не работал в компании Чэн. С чего ты взял, что твои сведения чего-то стоят?

Чэн Фань предвидел этот вопрос и ответил без колебаний:

— Я лично подслушал разговор родителей, когда они обсуждали этот план. Я запомнил имена всех их сообщников до единого.

Се Чунъянь долго всматривался в его лицо, выискивая малейшие признаки лжи. Наконец он лениво поднялся из кресла, давая понять, что аудиенция окончена.

— Спасибо за предупреждение. Я приму его к сведению.

Чэн Фань тоже вскочил на ноги:

— А как же наш союз?..

Се Чунъянь повернулся к нему спиной, собираясь уйти:

— Прости, но твое предложение меня не интересует.

В тишине террасы раздался неторопливый стук удаляющихся шагов.

Грудь Чэн Фаня судорожно вздымалась. Он не понимал, что сделал не так, но отпускать его вот так просто не мог. Ему пришлось выложить свой последний, самый ценный козырь.

— А если я скажу, что знаю, где сейчас ваша мать?

Шаги мгновенно стихли. Се Чунъянь замер на месте, его прямая спина напряглась. Он медленно развернулся.

Слабый, дрожащий свет ламп падал на его дорогой пиджак, подчеркивая глубокие тени вокруг. Голос мужчины, прозвучавший в тишине, показался еще холоднее ночного ветра:

— Что ты имеешь в виду?

<http://bllate.org/book/19809/1984735>